

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра общего языкознания

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой,
д-р филол. наук, доцент
 Н.В. Лабунец
20.06. 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ТЕКСТАХ В. ПЕЛЕВИНА:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «GENERATION П» И «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»)

45.04.01 Филология
Магистерская программа
«Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнила
студентка 2 курса
очной формы обучения

Торуа
Теона
Давидовна

Руководитель работы
д-р филол. наук,
доцент

Данилина
Галина
Ивановна

Рецензент
д-р филол. наук,
профессор

Белякова
Светлана
Михайловна

г. Тюмень, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПОЛИЛИНГВИЗМА В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	8
1.1. Понятие «полилингвизм» в теории и методике преподавания иностранных языков	8
1.2. Полилингвальный роман как лингводидактический материал	19
1.3 Роль иноязычных включений в текстах В. Пелевина	31
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ	43
2.1. Упражнения, включающие художественный перевод	43
2.2. Интерференция и грамматические конструкции	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	53
Приложение 1	Error! Bookmark not defined.
Приложение 2	Error! Bookmark not defined.

ВВЕДЕНИЕ

Активные процессы глобализации, расширение международных контактов, взаимовлияние различных культурных парадигм позволяет говорить о том, что современный человек живет в поликультурном пространстве. Знание иностранных языков сегодня является необходимым для ориентации в полилингвальном информационном поле. В литературе результатом подобных культурных процессов являются полилингвальные тексты.

Феномен полилингвального романа не является исключительным признаком современного литературного процесса. Произведения с иноязычными включениями можно встретить на протяжении всего развития как русской, так и зарубежной литературы. Однако современный полилингвальный текст является не только эстетическим феноменом, иллюстрирующим активные процессы языковых и культурных преобразований, он также представляет интерес в качестве материала для лингводидактических дисциплин, так как образование сегодня стремится к формированию полилингвальной и поликультурной личности. Все это обуславливает **актуальность** нашего исследования.

Введенный А.А. Леонтьевым в 1966 году термин «иноязычное включение» изначально имел достаточно широкую дефиницию, обозначая как ошибочно употребленные русские слова, так и целенаправленно искаженные, а также многие другие явления, выбивающиеся из норм родного языка. Термин получил широкое распространение в различных гуманитарных дисциплинах:

- 1) литературоведении (Л.В. Сычева, С.С. Изюмская, Г.М. Вишневская, М.А. Кожевникова);
- 2) когнитивной лингвистике (Х.З. Багиров, З.У. Блягоз, М.Е. Верещагин, Л.П. Крысин)
- 3) переводоведении (С. Влахов, С. Флорин).

Термин функционирует наряду с синонимичными понятиями «внутритекстовые иноязычия», «экзотизмы», «алиенизмы», «смещение языковых кодов», «макароническая речь». Мы остановимся на определении В.С. Гимпелевича, предлагающего понимать под иноязычными включениями «речевые единицы, содержащие полностью или частично иносистемные семантические, морфемные или графические признаки в окружении единиц данного языка» [Гимпелевич 1974, 89].

В качестве **объекта** исследования выбраны тексты В. Пелевина «Чапаев и пустота» (1996) и «Generation П» (1999). Выбор данных текстов как материала для обучения обусловлен тем, что в лингводидактике в результате ее развития стала осознаваться значительная роль художественной литературы при изучении языка. Художественный текст являет собой идеальный дидактический материал, будучи не только явлением аутентичным (в отличие от искусственно созданного для иностранца текста), но также вбирающим самые разные культурные коды и символы. Изучение же языка в отрыве от культуры, как стало очевидным, не просто не имеет смысла, но и является невозможным, так как язык и есть воплощение культуры и ментальности. Кроме всего прочего, важно то, что в качестве объекта нами был выбран не просто художественный текст, но текст, представляющий явление современной литературы. Современный текст, в отличие от текста классического, наиболее близок к живому разговорному языку, что замечательно соотносится с одним из самых важных аспектов изучения русского как иностранного – коммуникативной направленностью. В. О. Пелевин – один из крупнейших современных прозаиков, чьи тексты представляют собой интересный, полезный и эффективный материал для изучения русского языка. Будучи одним из ярчайших представителей русского постмодернизма, Пелевин блестяще использует самые разнообразные языковые стили. Языковая игра, различные каламбуры, отсылки к классической литературе и современной массовой культуре не просто являют собой свидетельство мастерского владения

словом, но и создают такой дидактический материал, который способен иллюстрировать весь мощнейший потенциал русского языка.

Предметом исследования, в свою очередь, нами выбраны иноязычные включения. Такой художественный прием, как иноязычные включения являет собой не только иллюстрацию процесса глобализации культурного пространства, но и фундамент для разработки инновационных методик преподавания русского как иностранного.

Изучению полилингвальных текстов сегодня уделяется довольно много внимания. В качестве примеров можно привести исследования, направленные на анализ поэтики иноязычных включений в творчестве как классических, так и современных авторов. Сюда можно отнести работы Л.В. Сычевой, посвященные поэтике иноязычных включений в текстах М.А. Булгакова, В.В. Набокова и Т. Толстой; работы Н.Г. Бабенко, Е.И. Тимошенко, М. Леоновой, посвященные полилингвальному пласту прозы В. Пелевина, а также ряд работ, рассматривающих творчество авторов-билингвов. Говоря же о степени изученности проблемы, следует отметить, что поэтика иноязычных включений в прозе В. О. Пелевина хоть и не обходится вниманием, все же не может считаться в полной мере изученной. Так, например, полилингвальные компоненты романа «Чапаев и Пустота» не подвергались системному анализу.

Кроме того, иноязычные включения в текстах Пелевина не рассматривались с точки зрения их дидактического потенциала, что аргументирует **новизну исследования**.

Целью работы является сопоставительный анализ иноязычных включений в вышеуказанных романах В.О. Пелевина и разработка на их основе эффективных упражнений.

Цель исследования обуславливает решение следующих задач:

- анализ и систематизация научных источников, касающихся темы полилингвизма в лингвистике и литературоведении;

- обосновать выбор полилингвального постмодернистского текста в качестве лингводидактического материала;

- выявить и проанализировать иноязычные включения в романах «Чапаев и Пустота» и «Generation П», определить их значение в раскрытии идеи романов;

- предложить подходы к разработке упражнений, включающих полилингвальный пласт произведений.

Цель и задачи исследования определили **композицию** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, двух приложений (таблицы выявленных иноязычных включений), списка литературы.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПОЛИЛИНГВИЗМА В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Понятие «полилингвизм» в теории и методике преподавания иностранных языков

Проблема полилингвизма в условиях глобализации и тесной межъязыковой коммуникации обретает колоссальную значимость. В первую очередь, это связано с тем, что проблематика такой научной области как лингводидактика значительно расширяется в последние десятилетия. Характерное для современности направление на развитие межгосударственных и, как следствие, межкультурных отношений ведет за собой расширение сфер контактов между представителями различных стран и культур. Монокультурный характер общения вытесняется поликультурной коммуникацией, в процессе которой каждая сторона должна учитывать нормы и правила той культуры общения, которая характерна для другого члена коммуникации. Изучение иностранного языка сегодня влечет за собой необходимость выхода за рамки собственной картины мира. Обучающийся усваивает новые понятия и концепты, становится «бикультурным» [Цветкова 2013, 330].

Подобные культурные преобразования, спровоцированные явлением глобализации, ставят перед методистами ряд задач, направленных на формирование у современного человека навыков эффективного общения в поликультурной среде, при которой эмпатия к чужой культуре будет гармонично сочетаться с осознанием собственной национальной идентичности. Как отмечает А.В. Хэкетт-Джонс, современные реалии делают приоритетной не только способность социально и культурно адаптироваться в инородной среде, «но и требуют развития целого ряда компетенций, связанных с адекватным и продуктивным координированием и использованием нескольких языковых и культурных систем, с тем чтобы не

только не нарушать принципов поликультурного взаимодействия, но и сохранять свою идентичность вне зависимости от ситуации общения» [Хэкетт-Джонс 2016, 105].

Лингвообразование сегодня все больше склоняется к культууроориентированному подходу, при котором одним из магистральных направлений обучения становится «овладение знаниями о культурном разнообразии стран изучаемых языков» [Тарева, Маметова 2014, 20]. Наиболее развернуто идея интеграции культуры и методологии иноязычного образования представлена в теории Е.И. Пассова. Исследователь предлагает определять иноязычную культуру как один из элементов общечеловеческой культуры, которую и осваивает ученик в процессе познания: «в иноязычной культуре как содержании иноязычного образования интегрируется все, чем ученик овладел в познавательном, развивающем, воспитательном и учебном аспектах» [Пассов 2010, 171]. Это значит, что в современной лингводидактике иноязычная культура занимает центральное место в содержании усваиваемых компетенций, тогда как ранее превалировало значение иностранного языка. Как отмечают Е.Г. Тарева и Ю.М. Маметова, подобный «культурно-онтологический вектор» подразумевает образовательную стратегию, включающую в себя: 1) признание культурной доминанты в соотношении «язык – культура», 2) постулат о необходимости овладения единством «язык – культура» в процессе взаимодействия с миром, 3) утверждение потенциальных возможностей взаимодействия языка, культуры, индивидуальности, 4) признание, что «именно вхождение в мир иноязычной культуры может способствовать развитию личности ученика как субъекта родной культуры» [Тарева, Маметова 2014, 21].

В условиях направленности на формирование концепции глобального образования язык следует признать одним из доминирующих факторов. Понятие полилингвизм (также многоязычие или мультилингвизм) в российской лингвистической терминологии имеет несколько дефиниций. Так, «Словарь терминов межкультурной коммуникации» предлагает

трактовать термин как «употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства)» [Жукова 2013: 253]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией Г.А. Зографа полилингвизм определяется как «употребление индивидом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [Зограф 1990: 408]. «Российский гуманитарный энциклопедический словарь» предлагает понимать под полилингвизмом «сосуществование и использование нескольких языков в языковом сознании, речевой деятельности индивида и языкового коллектива» [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002]. Зачастую термины «полилингвизм» и «билингвизм» выступают как синонимичные. Их различие подчеркивается чаще всего, когда возникает необходимость акцентировать внимание на количестве языков, которым владеет индивид. Помимо вышеуказанных, существует также такой термин, как «плюрилингвизм», который наряду с «мультилингвизмом», был сформулирован в документах Совета Европы на рубеже XXI века. Существование этих терминов обусловлено необходимостью разграничить и сформулировать компетенции, необходимые личности, существующей в мультилингвальном обществе, от плюрилингвальной, т.е. изучающей несколько языков, не находясь при этом в среде их естественного бытования [Хэкетт-Джонс 2016, 105].

Толкование термина билингвизм в отечественной гуманитарной науке, в свою очередь, также имеет некоторые нюансы. Так, узкое понимание, при котором под билингвизмом подразумевается владение двумя языками на примерно одинаковом уровне, встречается в работах К.Х. Ханазарова, В.А. Аврорина, А.И. Рабиновича и др. Широкая же трактовка термина, при которой билингвизм понимается как владение двумя языками в разной степени: от свободной до элементарной, можно проследить в трудах А.А. Метрюк, В.Ю. Розенцвейга, Ф.П. Филина [Андреева 2009, 35]. Классификация же типов билингвизма представлена в статье С.С. Сорокиной

«К вопросу о многоаспектной классификации типов билингвизма». Исследователь предлагает выделять: 1) с учебно-методической точки зрения: организованный и неорганизованный тип билингвизма; 2) с социологической точки зрения: а) естественный и искусственный типы билингвизма; б) индивидуальный, групповой и массовый билингвизм – в зависимости от степени распространения; 3) с психологической точки зрения: а) полный и неполны типы билингвизма; б) рецептивный, перцептивный, продуктивный типы – по этапам овладения и степени владения языками; в) чистый и смешанный билингвизм – по характеру устойчивости психических механизмов двух языковых систем в сознании билингва [Позднякова 2012, 25].

В «Словаре лингвистических терминов» предлагается выделять следующие типы билингвизма: 1) субординативный (при таком типе уровни владения языками разнятся) и координативный (уровень владения двумя языками достаточно высок); 2) активный (регулярное использование второго языка) и пассивный; 3) контактный и неконтактный (в зависимости от связи с носителями второго языка); 4) автономный и параллельный (в зависимости от того, подразумевает ли усваивание двух языков соотнесение между собой или нет).

Используемый нами термин «иноязычные включения» также имеет различные дефиниции. Впервые употреблено это словосочетание, в последствии ставшее термином, было А.А. Леонтьевым и подразумевало под собой как ошибочно употребляемые русские слова, так и целенаправленно искаженные с целью передачи иностранного акцента, и многие другие явления, которые выбиваются из грамматических и семантических норм родного языка. Наряду с указанным существует также понятие «иноязычные вкрапления». Следует разграничивать термины «иноязычные включения» и «иноязычные вкрапления», так как первый подразумевает использование иноязычий как в графике языка-источника, так и в кириллической графике. Согласно определению Л.П. Крысина, иноязычные вкрапления – это

«незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [Крысин 1968, 47]. В.С. Гимпелевич под иноязычными вкраплениями предлагает понимать «речевые единицы, содержащие полностью или частично иносистемные семантические, морфемные или графические признаки в окружении единиц данного языка» [Гимпелевич 1974, 89.]. Н.А. Еремия считает, что иноязычные вкрапления – это «беспереvodные группы слов и выражений одного языка в другом» [Еремия 1976, 84.].

Рассматривая возможные функции иноязычных включений, исследователи понимают их как «интеграцию в едином тексте двух коммуникативных систем. Из них одна служит основной, базовой (первый язык писателя), а другая – вспомогательной, служебной, «удаленной» от смыслового центра» [Аверьянова, Сюзюмова 2013, 7]. С точки зрения соотношения иноязычных включений с системами контактирующих языков Н.А. Аверьянова и Л.С. Сюзюмова предлагают выделять:

1) полные включения, употреблённые в русском тексте без графических, фонетических и морфологических изменений и не включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения;

2) частичные включения, в той или иной мере ассимилированные фонетически, графически, морфологически или включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения;

3) контаминированные русско-иноязычные включения (явления «ломаной» речи), представляющие собой русский текст, построенный по законам иностранного языка (или с нарушением законов русского языка);

4) нулевые включения, которые представляют собой тексты, переведённые с иностранного языка на русский и включённые в оригинальные русские тексты [Аверьянова, Сюзюмова 2013, 7-8].

Полилингвизм в художественном тексте. Обозначив векторы изучения многоязычия в лингвистике, следует обратить внимание на

феномен художественного полилингвизма. Современный этап развития гуманитарных дисциплин требует большего внимания к проблеме билингвизма и полилингвизма как к основному понятию языковых контактов. Однако уже с начала XX века в той или иной степени художественный полилингвизм освещался в различных трудах отечественных и зарубежных исследователей. Билингвизм как факт литературного творчества встречается в различных произведениях на протяжении долгого времени как в странах Европы, так и на Востоке. В качестве дискуссионных в научной литературе рассматриваются вопросы о:

- 1) сущности художественного билингвизма;
- 2) критериях выделения художественного билингвизма;
- 3) типах художественного билингвизма;
- 4) художественном билингвизме в контексте коммуникативного акта.

До сих пор остается нерешенным вопрос о том, каких писателей можно назвать билингвальными, что обуславливает различные подходы в определении типологии художественного билингвизма. По определению Н.Г. Михайловской и Г. Гусейнова художественный билингвизм подразумевает творчество на двух языках. Но, как отмечает Р.О. Туксайтова, такое понимание билингвизма значительно сужает его границы и не отражает сути понятия [Туксайтова 2005, 201]. Л.П. Крысин, рассматривая феномен билингвизма, предлагает выделять уровни владения вторым языком: 1) собственно лингвистический (подразумевается умение строить тексты на данном языке и преобразовывать их); 2) ситуативный (подразумевает умение применять языковые знания сообразно с ситуацией); 3) лингвострановедческий (владение здесь национально обусловлено спецификой использования языковых знаков) [Крысин 1989, 186]. А. Гируцкий предлагает схему художественного билингвизма, в которой следует выделять два вида: оригинальное творчество автора и художественный перевод. Оригинальное творчество здесь, в свою очередь, может быть представлено на неродном языке и на двух языках, а

художественный перевод – авторским переводом и профессиональным переводом. Как одну из разновидностей художественного билингвизма Гируцкий рассматривает творчество на родном языке с использованием элементов другого [Гируцкий 1990, 775]. В.В. Иванов, Н.Г. Михайловская, В.М. Панькин выделяют три типа литературного билингвизма:

- 1) самоперевод (создание автором текста на родном языке с последующим переводом на второй язык);
- 2) творчество национальных писателей на двух языках, без самоперевода;
- 3) тексты национальных писателей на русском языке [Багирков, Блягоз 2012, 204].

Ч.Г. Гусейнов выделяет такие типы художественного билингвизма, как:

- 1) творчество на национальном языке и авторский перевод на русский;
- 2) творчество на русском языке с последующим переводом на национальный;
- 3) параллельное творчество на национальном и русском языках без самоперевода;
- 4) временный или постоянный переход с двуязычия на одноязычие русское или национальное;
- 5) творчество лишь на русском языке, которое причисляется к национальной литературе [Туксайтова 2005, 203].

Б. Хасанов предлагает более широкое понимание художественного билингвизма. По мнению исследователя, двуязычными в сфере художественной литературы могут называться как создатели и переводчики художественных произведений, так и читатели. Художественный билингвизм в таком случае трактуется как творчество писателей-билингвов, ориентированное на читательскую аудиторию определенного типа. Однако, по мнению Р.О. Туксайтовой, отнесение переводов к художественному билингвизму является достаточно спорным, даже в том случае, если

переводчик является билингом. По мнению Р.О. Туксайтовой, «<...> можно согласиться с утверждением о том, что художественное двуязычие проявляется на уровне эксплицитного и имплицитного совмещения элементов языков и культур. В обоих случаях совмещение основано на синтагматическом соположении разноструктурных элементов двух языков» [Туксайтова 2005, 204].

Помимо вышеперечисленных подходов, под ситуацией художественного двуязычия также понимается наличие в структуре текста инонациональных средств отражения действительности. Как можно заметить, вопрос о том, каких писателей можно назвать билингвами, до сих пор остается дискуссионным. В связи с этим можно наблюдать различные типологии художественного билингвизма.

Наличие иноязычных элементов – нередкая черта для произведений русской литературы. Так, анализируя полилингвальный пласт художественной прозы Набокова, Л.В. Сычева отмечает, что «знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта писателей-эмигрантов первой волны» [Сычева 2008, 22]. Владение несколькими языками позволяло переключаться на другую кодовую систему в условиях неродной языковой среды, а кроме того, обуславливало определенные особенности русской речи писателя в области фонетики, лексики и грамматики. Среди признаков иноязычных включений отмечают: 1) неассимилированность; 2) неосвоенность; 3) употребление в графике языка-источника [Сычева 2008, 23].

Как отмечалось ранее, художественный билингвизм – довольно частое явление. В связи с чем в научной литературе довольно много работ посвящено исследованию данного феномена. А.А. Гируцкий исследуя литературу средневековой Испании, в качестве характерных черт выделяет взаимодействие арабской и романской языковых культур [Гируцкий 1990, 175]. Среди исследователей национально-русского художественного билингвизма следует назвать Н.Г. Михайловскую (анализ творчества

русскоязычных писателей Севера и Дальнего Востока), Т.К. Чертирижскую (взаимодействие украинской и русской лексики в текстах Т.Г. Шевченко), Б. Хасанова (основные тенденции художественного билингвизма в истории казахской литературы), А.А. Гируцкого (аспекты белорусско-русского билингвизма). Внимание исследователей также привлекают философские основы художественного билингвизма. Г. Гачев отмечает: «двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления» [Гачев 1998, 445]. Для разработки типологии художественного билингвизма возникает необходимость выделения критериев. Как отмечает Р.О. Туксайтова, типология художественного билингвизма зависит от: 1) социолингвистического; 2) психолингвистического и 3) лингвистического аспектов [Туксайтова 2005, 202]. При подходе с исключительно лингвистической точки зрения особое значение имеет детальный анализ иноязычных элементов в тексте. При определении статуса художественного двуязычия можно выделить ряд взаимообусловленных критериев:

- 1) функционально-стилевой (принадлежность к зоне художественных текстов);
- 2) собственно лингвистический (необходимость наличия в произведении элементов всех форм языкового существования);
- 3) демографический (возраст автора, его образование, социальный статус, языковая среда).

В научной литературе, таким образом, можно выделить широкое и узкое понимание художественного полилингвизма. Литературный полилингвизм в широком смысле включает в себя художественный перевод – «особый вид художественного творчества, неизбежно предполагающий соприкосновение и взаимодействие национальных языков и культур» [Туксайтова 2005, 205]. Узкий взгляд, в свою очередь, подразумевает, что

художественный полилингвизм – это оригинальное творчество, основанное на взаимодействии различных языков и культур.

Анализу поэтики полилингвального компонента художественного текста посвящена работа Е.Б. Коломейцевой. Исследователь предлагает рассматривать иноязычные включения как стилистическую категорию. Появлению полилингвальных элементов в тексте способствует, как правило, двуязычие автора. Это подразумевает, что любое иноязычное включение в художественном тексте может быть подвержено изменениям на фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом уровнях. В связи с этим и определение границ включений разнится. Коломейцева замечает, что иноязычные элементы по-разному функционируют в прозаических и поэтических текстах. На фонетическо-графическом уровне в прозе иноязычные включения подвергаются ассимиляции, которая проявляется в: а) замене фонем, б) перемене слоговых единиц, в) усложнении звучания, г) упрощении звучания, д) намеренной авторской игре на похожести звучания [Коломейцева 2015, 54].

История использования иноязычных вкраплений в литературе рассматривается в статье М.А. Кожевниковой «Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект)». В статье отмечается, что прием введения иноязычной лексики в текст имеет богатую историю в русской традиции. Первые иноязычные элементы в графике языка-источника можно проследить уже в памятниках славянской письменности X-XI веков. Литература указанного периода в большей степени была переводной, в связи с чем переводы произведений определенного жанра зачастую предшествовали созданию оригинальных текстов. В этот период можно встретить иноязычия латинского и македонского происхождения. Основным назначением включений являлась необходимость акцентирования внимания на определенных словах, названиях, обращениях. Здесь однако можно заметить тенденцию использования транслитерационных вариантов иноязычных слов. В

«Петровскую эпоху» также можно наблюдать в текстах обилие иноязычных элементов, которые чаще всего представлены в кириллической графике. Дальнейший этап распространения иноязычных включений приходится на XVIII-XIX века, когда заметно было влияние французского языка. В этот период, как отмечает Ю.М. Лотман, французский становится социальным знаком, сигнализирующим о «причастности к некоторой закрытой для профанов корпорации» [Лотман 1981, 202]. Так, ряд ученых отмечает, что А.С. Пушкин активно использует включения французской, латинской, итальянской, английской и немецкой лексики.

Смещение французского и русского языка в этот период способствует также формированию такого явления, как «дамский» язык. Авторы указанного периода широко используют включения, пародируя ошибки в употреблении слов и выражений французского языка. Несмотря на это, очевидным является факт, что французский выполнял для русского образованного общества роль языка науки и философии. В качестве иллюстрации можно привести роман «Война и мир», французские фрагменты в котором подчеркивают специфику речи русского дворянского сословия [Кожевникова 2011, 196].

В качестве примера полифункциональности французских включений в художественном тексте можно привести творчество И.С. Тургенева. В романах можно встретить иронию над смесью французского и русского языка, использование иноязычной лексики как маркера поколения и даже в качестве эвфемизма. Уже во второй половине XIX века французский теряет статус языка высшего сословия, получая широкое бытовое распространение, когда его знание становится обязательной характеристикой любого образованного человека. В качестве примера можно привести использование в романе «Что делать» вывесок, названий книг и пр. на французском языке.

Начало XX века ознаменовано актуальностью вкраплений в творчестве авангардистов, дадаистов и футуристов. Для литературы этого периода характерно использование средств разных языков, т.к. использование одного

языка уже не способно обеспечить нужное поле для реализации авторского потенциала. Особенно характерно использование разных языков в стихотворных произведениях, где «иноязычные компоненты заставляют текст звучать на разные мотивы и интонации, образуя красочное явление с буйством красок и многоголосием» [Кожевникова 2011, 197]. Масштабнее всего иноязычные включения репрезентуются в текстах поэтов Серебряного века. Здесь можно встретить как отдельные лексемы, так и цитаты на иностранном языке.

Послереволюционное время характеризуется значительным снижением количества полилингвальных элементов, однако можно заметить тенденцию использования иностранной лексики в русской графике.

В период оттепели же ознаменован очередным бурным всплеском полилингвальных включений в художественных текстах. Наиболее влиятельной для шестидесятников была американская культура. Последним этапом можно назвать начало перестройки, которая принесла огромный поток английских заимствований. Здесь в качестве частного примера общей тенденции можно привести прозу В. Пелевина.

1.2. Полилингвальный роман как лингводидактический материал

Аутентичный текст в лингводидактике. Современная лингводидактика имеет в распоряжении широчайший диапазон материалов для обучения. Однако среди всего разнообразия аудио-, видео- и текстовых материалов явными преимуществами обладает аутентичный текст. На протяжении всего процесса совершенствования методов обучения в лингводидактике все более явными становятся преимущества аутентичного текста по сравнению с текстами обучающими. Особая актуальность этой тенденции обусловлена коммуникативной направленностью преподавания РКИ в наши дни, когда появляется «необходимость создания условий для погружения в языковую среду и знакомства иностранцев с живой, разносторонней культурой изучаемого языка» [Колесникова 2015, 156]. В

связи с этим, одной из отличительных тенденций современного этапа развития лингводидактических дисциплин является использование именно таких видов текста. Все это направлено на обучение речевому общению на современном русском языке.

Прежде всего, проясним значение термина «аутентичный текст». Под аутентичными текстами подразумеваются тексты «предназначенные авторами для носителей языка, т.е. включающие все разнообразие лексики, грамматических форм, фоновые знания» [Ткаченко URL]. Основная цель использования такого рода текстов заключается в обучении восприятию и пониманию естественных речевых произведений. В связи со значительно большей сложностью аутентичных текстов по сравнению с учебными, их понимание требует от обучающегося сформированной лингвокультурологической, лингвистической и коммуникативной компетенции. Обзор теоретической и методической литературы позволяет сделать вывод, что большинство исследователей признают преимущества аутентичных текстов. Разбору всех плюсов использования аутентичных (чаще всего художественных) текстов посвящено большое количество методических и теоретических работ. Исследователи отмечают, что тенденции общественного развития последних десятилетий, расширение контактов России с другими странами предполагают не только знание иностранного языка, но также требуют способности ориентироваться в современном поликультурном пространстве, а также взаимодействовать с представителями иной культуры и иного языка [Денисова 2007, 207]. Аутентичные тексты, исходя из этого, являются предпочтительным обучающим материалом, так как они способны стимулировать коммуникативно-познавательную деятельность, формировать межкультурную компетентность, повышать языковую культуру обучающегося, а также дают возможность в полной мере использовать развивающий, образовательный и воспитательный потенциал изучаемого языка. Исследователь Т.М. Денисова в статье «Роль аутентичных текстов в

формировании межкультурной компетентности при обучении иностранному языку» отмечает также, что в пользу применения аутентичных текстов свидетельствуют такие аргументы, как значительная оторванность упрощенных текстов от естественного языка, лишенность адаптированных текстов авторской индивидуальности и национальной специфики, а также способность аутентичных текстов вызывать интерес учащихся [Денисова 2007, 207]. Тексты в современном процессе обучения являются одним из важнейших компонентов. Как отмечает Е.Н. Стрельчук в статье «Роль художественной литературы в формировании и развитии русской речевой культуры иностранных студентов», «текст – это основная коммуникативная единица <...> Коммуникативная компетенция формируется на уровне текста» [Стрельчук 2011, 1136]. В связи с тем, что изучение иностранных языков сегодня во многом направлено на формирование ситуации межкультурного взаимодействия, естественные, аутентичные тексты, приобретают особую значимость. Они, с одной стороны, направлены на субъективное восприятие читающего, а с другой, формируют представление об иной культурной среде. Работа с аутентичными текстами способна сформировать у учащихся представление о стране изучаемого языка, стимулировать межкультурное развитие обучающихся, активизировать коммуникативные навыки. Помимо вышесказанного, одним из основных плюсов аутентичных текстов является стилевое и художественное разнообразие, пестрота образных и выразительных средств, которую никогда не удастся воспроизвести в искусственном обучающем тексте. Исключительно художественная литература обладает достаточными возможностями для демонстрации всего языкового потенциала. Процесс изучения русской литературы неразрывно связан с изучением культурных реалий, грамматических конструкций, которые необходимы для адекватной естественной коммуникации. При чтении художественной литературы «обогащается лексический запас студентов; совершенствуется их фонетическая культура; усваиваются значимые в процессе речевого общения

этикетные формулы» [Стрельчук 2011, 1136]. Многофункциональность художественного текста способствует комплексному развитию устной диалогической и монологической речи иностранцев, развивая вместе с тем навыки интерпретации текста, расширяя запас лексики, усиливая интерес к литературе изучаемого языка. Понимание художественного текста, помимо прочего, включено в число необходимых умений учащегося. Будучи «отражением живой речи и литературной нормы» [Кулибина 1991, 34] аутентичный текст, таким образом, представляет собой наиболее эффективный материал для изучения языка.

Адаптация аутентичного текста. Если преимущества аутентичного текста очевидны большинству современных методистов, то вопрос их адаптации можно назвать дискуссионным. Рассматривая историю подхода к выбору и адаптации текстов в лингводидактике, А.В. Рачковская указывает, что в советское время составители пособий руководствовались следующими рекомендациями методистов, которые выделяли такие критерии, как:

- 1) принадлежность известному писателю;
- 2) познавательно-воспитательная ценность;
- 3) тематическая принадлежность к кругу изученных лексических и страноведческих тем;
- 4) близость проблематики произведения студентам-иностранцам;
- 5) соответствие эффективному типу художественного текста для чтения [Рачковская 2015, 122].

В той или иной форме эти же критерии фигурируют при выборе текста на современном этапе развития лингводидактики. За исключением того, что в советское время тексты отличались значительно большей дидактичностью и морализаторством, будучи своеобразным «зеркалом гражданской жизни».

Диаметрально противоположные точки зрения присутствуют в вопросе об адаптации художественных текстов. Разногласия связаны, в первую очередь, с различными целями обучения и методикой работы с текстами.

Художественный текст, исходя из целей обучения, может фигурировать как объект анализа (лингвистического, филологического, страноведческого и пр.), как иллюстрация функционирования различного рода языковых единиц, как материал для овладения видами речевой деятельности, либо как один из способов понимания менталитета и культурных особенностей носителей изучаемого языка.

Обе позиции в дискуссии о целесообразности адаптации не лишены аргументов. С одной стороны, адаптация неизбежно приведет не просто к упрощению текста, но и к своего рода примитивизации, во многом лишая его огромного количества преимуществ. Индивидуальный авторский стиль, многообразие языковых средств, богатая образность и выразительность будут разрушены в определенной степени, так как адаптация подразумевает упрощение синтаксиса, структуры и лексического состава. Однако отсутствие какой-либо адаптации сделает текст практически непонятным для иностранца, особенно на раннем этапе обучения.

Выбор в пользу или против адаптации связан с выбором подхода к обучению иностранным языкам. На сегодняшний день можно проследить два полярных подхода: литературоцентрический и лингвоцентрически. Каждый из них утверждает соответственно текст или язык как центральный элемент в обучении. Так, например, в пользу литературоцентрического подхода утверждается, что «чтение не должно превращаться в лексико-грамматический анализ, отчего «погибает» все художественное произведение. Работая с художественным текстом, следует не вульгаризировать его содержание, а показывать его художественные достоинства, учить «видеть» художественный образ» [Ткаченко URL]. Зачастую исследователи полностью отказываются от каких-либо алгоритмов в процессе изучения литературы в иностранной аудитории, отмечая, что «методика анализа в иноязычной аудитории не должна быть технически сложной и подробной» [Колесникова 2015, 156]. Так, Н.В. Кулибина предлагает в качестве метода работы с текстом воспроизведение

естественной ситуации чтения, а в учебнике К.А. Роговой отсутствует четкий путь анализа, так как каждый текст требует специфической методики изучения и интерпретации.

Следует признать справедливость аргументов литературоцентрического подхода, который утверждает художественный текст как нечто большее, чем материал для упражнений, как естественное произведение многогранной и многоаспектной культуры. Однако наиболее целесообразным является компромиссный взгляд, когда аутентичный текст подвергается некоторой адаптации, не лишаящей его достоинств оригинала, но способной сделать его максимально приемлемым для чтения в иностранной аудитории. Самым оптимальным вариантом работы с текстом, как отмечает А.В. Рачковская, будет «совмещать полноценный анализ бережно адаптированного художественного текста с некоторыми элементами работы над языковым материалом» [Рачковская 2015, 126]. Исследователь также указывает на то, что использование неадаптированных текстов в процессе обучения невозможно, так как это противоречит «Государственному образовательному стандарту». Согласно стандартам, в тексте может быть не более 5-7% незнакомых слов. Едва ли найдется художественный текст, который отвечает этому условию.

Постмодернистский текст на уроке РКИ. Раскрыв преимущества аутентичного текста перед учебными, мы закономерно сталкиваемся с проблемой выбора художественного текста среди всего многообразия литературных произведений. Поскольку объектом нашего исследования выбраны постмодернистские романы, возникает необходимость обоснования специфики постмодернистского текста как лингводидактического материала, его отличия от классических текстов и возможные преимущества.

Прежде всего следует обратить внимание на одно из самых очевидных преимуществ постмодернистского текста – его современность. Коммуникативно-ориентированный подход в современной лингводидактике обуславливает необходимость выбора материала, наиболее полно

репрезентующего актуальное состояние языковой действительности. Помимо отражения современного языка, овладение которым сегодня и является приоритетной задачей лингводидактических дисциплин, постмодернистский текст может также послужить источником актуальной культурологической информации, являя собой художественное осмысление современных культурных и идеологических процессов, происходящих стране изучаемого языка. Помимо вышесказанного, художественный текст эпохи постмодернизма являет собой комплекс самых разнообразных стилистических пластов, что является несомненным плюсом. Среди специфических черт постмодернистского текста в исследовательской литературе выделяют следующие:

- 1) ситуация «лабиринта смыслов»;
- 2) политекстуальность, насыщенность внетекстовыми аллюзиями;
- 3) деканонизация, борьба с традиционными ценностными центрами;
- 4) торжество деконструктивистского принципа;
- 5) ирония, утверждающая плюралистичность мира и человека;
- 6) игра как способ существования в реальности и искусстве, возможность сокрытия мыслей и чувств [Колесникова 2015, 156].

Каждая из перечисленных отличительных черт постмодернистского текста позволяет говорить о нем как о многофункциональном, разноплановом и эффективном лингводидактическом материале. Начиная от острой проблематики постмодернистского текста и заканчивая языковой игрой, все способствует наиболее полному проникновению в культуру изучаемого языка.

Полилингвальный художественный текст. Отметив специфику и преимущества постмодернистского текста, мы подробнее остановимся на тексте, включающем полилингвальный компонент. Полилингвизм как проблема, а также художественный полилингвальный дискурс подробно описаны в статье Е.О. Хромовой «Полилингвизм в контексте методики

преподавания иностранных языков». В работе рассматривается история вопроса, а также уровень его научного освещения на современном этапе. Проблема языкового, социального и психологического привлекает интерес исследователей уже с середины 50-х годов XX в. И для целого ряда гуманитарных дисциплин стала одной из магистральных. В качестве результатов в понимании формирования и развития полилингвизма были введены такие фундаментальные понятия, как «языковая личность», «вторичная языковая личность», давшие почву для развития лингводидактики в аспекте сравнительного изучения иностранных языков. Обзор методических разработок позволяет говорить о все более широком использовании принципов многоязычия в педагогической практике. В реализации полилингвизма можно выделить два основных подхода:

- 1) соизучение иностранных языков с би- и трилингвальными упражнениями;
- 2) преподавание второго иностранного языка посредством уже освоенного языка посредника [Хромова 2016, 236].

Е.О. Хромова отмечает, что полилингвальные тексты, а также основанные на них методики требуют от аудитории соответствие определенным критериям ввиду повышенной сложности. Чаще всего речь идет о билингвизме обучающихся и приоритете формирования переводческой компетенции в процессе обучения. Выбранные методики чаще всего ориентированы на студентов-филологов и студентов-лингвистов.

Использование полилингвального художественного текста, помимо преимуществ аутентичного и постмодернистского текста также предполагает:

- 1) формирование не только языковых компетенций, но и навыков анализа языкового материала;

- 2) обеспечение взаимопроникновения различных культур за счет фокусирования учебного процесса на кросс-культурной составляющей;
- 3) интеллектуализация процесса обучения и формирование поликультурной личности за счет включения дополнительных языков [Хромова 2016, 237].

Полилингвальный текст, таким образом, содержит «все преимущества аутентичного художественного текста (естественность контекста, богатство языковых средств, эстетическая ценность, актуальная языковая ситуация и пр.), однако при этом, созданный писателем-билингвом, он содержит в себе образ не одного только национального мира, но также слова, концепты и коды, относящиеся к иным культурным мирам» [Хромова 2016, 237].

Являясь полем для смещения самых разных языков и культур, полилингвальный текст репрезентует родную для автора культуру, но в то же время раскрывает национальные концептосферы другой культуры, отражая тем самым тенденции глобализации. Полиязычие и поликультурность сегодня можно назвать одними из основополагающих компетенций для каждого человека. Стремительное взаимопроникновение самых разных, зачастую даже полярных культурных пластов, их взаимообогащение диктуют необходимость создания принципиально нового подхода в изучении иностранного языка, так как язык – один из основных носителей культуры. Необходимо также помнить о том, что каждый из элементов романа неразрывно связан с его смысловым уровнем.

Лингводидактический потенциал романов В. Пелевина. Пелевин, как один из крупнейших современных русских прозаиков, оказал заметное влияние на литературный процесс последних десятилетий. Написанные в конце 90-х годов, романы «Чапаев и Пустота» и «Generation P» отражают наиболее значительные трансформации в культурной среде описываемого времени. Сегодня роль творчества В. Пелевина в современном литературном

процессе в России достаточно сложно переоценить. Однако несмотря на очевидное влияние текстов писателя как на русскую литературу, так и на философскую мысль, оценка их художественной ценности до сих пор носит неоднозначный характер.

В литературной критике, посвященной романам «Generation «П» и «Чапаев и Пустота», а также всему творчеству Пелевина 90-х годов, можно проследить совершенно полярные точки зрения на художественный стиль автора. Условно критические работы, так или иначе анализирующие стиль Пелевина можно разделить на три основных направления.

К первому мы отнесем те, что признают стиль Пелевина практически безупречным и относят писателя к одному из классиков современности. В качестве примера можно назвать статьи К. Дьяковой «И все-таки он – sapiens: элементарная интерпретация романа В.О. Пелевина «Generation «П», А. Минкевича «Поколение Пелевина» и А. Гаврилова «Диалектика пустоты». В вышеуказанных работах делается акцент на принадлежность Пелевина к постмодернизму и, более того, указывается на то, что Пелевина можно назвать наиболее ярким представителем постмодернизма: «Пелевин – ожившее постмодернистское все и ничего. Воплощение и символ пустоты» [Шаманский URL], «Постмодернизм – это то, как пишет Пелевин» [Минкевич URL]. В связи с этим, то, что некоторыми исследователями рассматривается как несовершенство стиля, в названных статьях воспринимается как часть постмодернистского художественного дискурса.

Ко второму направлению могут быть отнесены работы, признающие несовершенство стиля Пелевина, однако при этом утверждающие, что все стилистические недостатки нивелируются содержательной глубиной романов. Так, Д. Ланин в статье «Виктор Пелевин и пустота российского самосознания» пишет: «Наличие в тексте мысли для всякого нормального читателя гораздо важнее, чем совершенство стиля» [Ланин URL].

Наконец, к третьему направлению можно отнести работы, категорически не признающие за Пелевиным владение литературным стилем.

Среди наиболее ярких примеров подобной точки зрения следует назвать статьи С. Ульянова «Пелевин и пустота» и М. Свердлова «Как сделан Пелевин – хорошая защита плохой прозы». Указывая на совершенную художественную несостоятельность Пелевина как автора, литературоведы отмечают обилие клише в романах, постоянное использование языковых штампов и скудность языка пелевинской прозы.

В связи с этим закономерен вопрос о целесообразности использования текстов Пелевина в качестве лингводидактического материала. Однако детальный анализ прозы автора позволяет говорить не только о возможности использования текстов его романов в качестве материала для иностранной аудитории, но даже о значительных преимуществах перед текстами русской классической литературы.

Как было отмечено выше, художественный текст сегодня является приоритетным материалом в процессе изучения языка. Обладая яркой образностью, широким спектром стилистических средств и будучи естественным речевым актом, литературный текст не только наиболее успешно способствует формированию коммуникативной компетенции (в чем искусственно созданный текст не выдерживает никакой конкуренции), но также приобщает обучающегося к культуре страны изучаемого языка, литературной традиции. В свою очередь, постмодернистский текст, обладая заявленными выше качествами, также является эклектичным феноменом. Писатель-постмодернист всегда работает на переплетении литературных стилей, традиций, что делает спектр возможных художественных средств текста значительно шире: «Писатели сочленяют языки разных эпох и культур, обыгрывают стереотипы восприятия жизни. Они используют прием полистилистики, т.е. стилевой неоднородности произведения, вживления элементов разных эстетических направлений, и создают таким образом текст, основанный на противоречиях, диссонансах, внутренней борьбе разнородных форм» [Нефагина 2003, 259].

Вышесказанное подводит нас к одному из главных преимуществ текста Пелевина как лингводидактического материала – его полистилистичности.

В достаточно обширной базе литературоведческих работ, посвященных творчеству В.О. Пелевина, не раз упоминается многообразие используемых в его текстах стилей: «Стилистический метасихоз, перевоплощение идеи в разные языковые формы не меняют ее сути. Серьезность темы только выигрывает от того, что разговор о высших истинах ведется в разных стилиевых регистрах» [Перина URL]. Работа в разных стилиевых регистрах не просто создает гибридный текст, существующий на переплетении самых разных культурных пластов и эпох, она также позволяет расширить поле выразительных средств, используемых в литературе. В романах Пелевина отсылки к классической русской литературе вполне свободно способны соседствовать со сленгом криминальной прослойки общества России 90-х годов.

Такой широкий спектр стилиевых регистров, используемых в романе, делает его богатым материалом, способным сформировать коммуникативную компетенцию обучающегося за счет своей актуальности и приближенности к современной разговорной русской речи. В то же время, обилие интертекстуальных отсылок к классической русской, а также зарубежной литературе, аллюзий на значимые для отечественной истории события позволит углубить познания о русской культуре. Помимо этого, романы «Чапаев и Пустота» и «Generation «П» содержат в себе философское осмысление культурного состояния постсоветской действительности и общественных преобразований, произошедших в нашей стране за последние десятилетия.

Текст романов являет собой эффективный лингводидактический материал не только ввиду широкого спектра используемых стилей, но также благодаря своей содержательной глубине. Изучение русского языка и литературы на подобном материале позволит привлечь внимание иностранной аудитории к современной русской литературе и русской

философской мысли. Все вышесказанное дополняется также полилингвальным компонентом текстов, который, как было отмечено ранее, обогащает язык художественной прозы, раскрывая концептосферы как русской, так и европейской культур.

1.3 Роль иноязычных включений в текстах В. Пелевина

Обращение к полилингвальному компоненту текстов Пелевина диктует необходимость детального анализа функций иноязычных включений не только на стилистическом, но и на смысловом уровне. Обзор литературоведческих и критических источников, касающихся темы, позволяет говорить о полифункциональности иноязычных элементов в романах. Произведения Пелевина содержат обширный пласт метатекстовых компонентов, которые отсылают реципиента к инокультурным и иноязычным объектам, тем самым, обилие иноязычных включений и американизмов в текстах является зеркалом языковой культуры современности» [Тимошенко 2013, 189]. Наличие полилингвальных элементов, как отмечают О.Е. Павловская и Н.Ю. Зими́на, является «одной из отличительных черт орнаментальности идиостиля» писателя [Павловская, Зими́на URL]. Исходя из способа семантизации, иноязычные включения можно разделить на две основные группы: 1) включения в исконной графике (target group), 2) включения в русской графике (The Unkola). В свою очередь, включения в исконной графике можно разделить на: а) те, что не требуют перевода для понимания текста, б) те, что требуют перевода в тексте. Включения в русской графике делятся на: а) вставки отдельных лексем, утративших черты иностранного языка, б) они́мы.

Рекламный дискурс в «Generation П». Одним из основных культурных пластов, которые подвергаются художественному осмыслению в романах Пелевина, можно назвать массовую культуру. Опубликованный в 1999 году роман «Generation «П» не является исключением. Особую роль в романе играет рекламный дискурс. За последние десятилетия реклама успела

стать не только инструментом грамотного маркетинга, но и неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Вездесущие рекламные слоганы стали своеобразным элементом современного фольклора. Характерная черта рекламного дискурса в России последних десятилетий – обилие англицизмов и английских включений. Это объясняет тот факт, что большинство английских включений в романе являются частью рекламных слоганов и наименований брендов. Исследователи отмечают, что использование англицизмов, английской лексики и всевозможных гибридных образований сейчас выходит далеко за рамки сферы профессионального общения или индивидуального авторского слога современной литературы. Обывателю порой бывает сложно, а зачастую даже невозможно ориентироваться в потоке информации без хотя бы элементарного владения английским. Как отмечает С.А. Бойко, «из 326 объявлений в рекламно-информационном журнале «Выбирай» (Иркутск. 2011. 15-31 дек.) 65% содержат, в той или иной степени, разного рода иноязычия» [Бойко 2012, 233]. Иноязычные элементы, однако, не ограничиваются только рекламным дискурсом. Н.Г. Бабенко предлагает структурировать полилингвальный пласт романа следующим образом:

- 1) наименования товаров («Ray-ban», «Seven-Up», «Coca-Cola», «Pepsi», «Tuborg», «Санрайз», и «Камэй», «Мальборо», «Силикон Графикс» и пр.);
- 2) названия фирм: Diesel, Sony, De Beers, Reebok, Gucci, Найк, Драфт Подиум;
- 3) рекламные слоганы: Go West; Just be; The way they see you; It will never be the same! You always get back to the basics; Sprite – the Uncola и др.;
- 4) пословицы соответствующей тематики: Money talks, bullshit walks; If you are so clever show me your money; To keep up with the Johnes;

- 5) пиар-профессионализмы: line extention, cultural references, target group, brand essence, брэнд-нэйм, брэнд-эссенция и др. [Бабенко 2004, 28]

Несмотря на то, что в тексте романа присутствуют заимствования из разных языков, превалирование англицизмов сильно бросается в глаза. Как отмечает С.С. Изюмская, «автор конструкции, включающий англицизм, стремится перевести общение на уровень аппликатур, намеков» [Изюмская 2010, 267]. Среди наиболее очевидных функций англицизмов в романе следует отметить пародию. В романе присутствует большое количество пародий на существующие в действительности рекламные слоганы, названия брендов. Так, одним из примеров такой пародии может служить слоган «Sprite – the Unkola» [Пелевин URL]. Распространенный в рекламе прием – сочетание в слогане рекламы своего продукта и одновременно антирекламы продукта-конкурента (префикс un- в английском языке эквивалентен русскому не-). Татарского этот слоган вдохновляет на создание аналогичного на русской почве – «Спрайт не кола для Николы» [Пелевин URL]. Пародийность здесь достигается за счет контрастного переплетения исконно русского элемента (имя Никола) с инородным (марка напитка). Суть подобного приема заключается в так называемой «аппликации», т.е. вкрапление общеизвестных штампов и выражений. Что примечательно, еще один подобный слоган, который пришел на ум Татарскому – «Parlament – the ипява» уже отвергается даже самим главным героем, как «пародия на пародию». Контрастное смешение разных стилей и культур, которое можно наблюдать в рассмотренных примерах, достигло апогея уже в откровенно абсурдном слогане «Мировой Pantene-pro V! Господни, благослови!» [Пелевин URL]. Юмористический окрас подобных включений обретает семантическую глубину за счет интертекстуальных приемов в слоганах. В статье «Интертекстуальность в рекламных слоганах романа Пелевина «Generation P»: источники и приемы» отмечается целый ряд источников для отсылок и аллюзий: от классической и современной русской литературы до

реальных исторических событий и мифологии [Гибадуллина 2007, 32-35]. Такой широкий спектр отсылок позволяет англоязычным элементам выполнять целый ряд функций. М.А. Гибадуллина выделяет следующие:

1) средство характеристики образа (примером здесь может служить переосмысленная идея наполеонизма из романа «Преступление и наказание», которая в новом контексте приобретает статус маркера духовных ориентиров поколения «П»);

2) выражение авторского видения мира;

3) символ важных исторических событий;

4) стилеобразующая функция (зачастую выражающаяся в качестве пародии);

5) претекст для новых интертекстуальных единиц [Гибадуллина 2007, 33].

Среди художественных средств, благодаря которым становится возможной такая многофункциональность английских включений, следует назвать упомянутую выше аппликацию, аллюзию, реминисценцию и квазицитацию. Аллюзию, в свою очередь, можно разделить на историческую и литературную. Все упомянутые приемы служат главным образом особого рода «карнавализации». Гипертрофированная, доводящая объект осмысления до абсурда пародия разрушает реалистичность образа. Эта гиперболизированная пародийность отражает искусственность рекламных мифов общества консьюмеризма и симулякра денег вообще, делая очевидной абсолютизацию материальной стороны современной культуры. «Пелевин создает гипертрофированные, откровенно абсурдные рекламные тексты, отделяя миф от самого товара, демонстрируя онтологическую избыточность, ненужность и антифункциональность мифологизируемых вещей» [Помялов 2008, 282].

Однако наиболее важной функцией английских включений является не создание иронического окраса. Если внимательно проследить упоминание слоганов на протяжении романа, можно увидеть определенную динамику.

Как и все другие иноязычные включения, англицизмы – своеобразная иллюстрация развертывания авторской мысли, «символическая доминанта всего текста» [Помялов 2008, 282]. Динамика в семантике английских включений коррелирует с одной из важнейших категорий романа – категорией пустоты.

Иноязычные включения и симулякры. Пародийная составляющая рекламного дискурса является репрезентацией авторской иронии. Ирония прозы Пелевина едва ли не стержневой мотив. Постмодернистское уничтожительное высмеивание проявляется практически в каждом произведении, будь то рассказ о преодолевающих ограничения окружающей действительности цыплятах («Затворник и Шестипалый»), раскрытие психологических проблем и внутренних переживаний простого русского сарая («Жизнь и приключения Сарая № XII») или роман о пути рекламщика к преобращению в новое божество. Но несмотря на нивелирующую все и вся иронию, Пелевина можно назвать одним из серьезнейших российских авторов. Хотя вопрос о стиле и художественности до сих пор остается дискуссионным, литературное влияние Пелевина и влияние на философскую мысль отрицать практически невозможно. Это влияние обеспечивается смысловым фундаментом, который кроется за кажущимися на первый взгляд несерьезными элементами постмодернистской иронии.

Так, и пародийные рекламные слоганы, и названия брендов (обилие которых в повседневном информационном поле стало настолько колоссальным, что их нагромождение в художественном тексте уже не столь заметно), и проскальзывающие в репликах персонажей иностранные слова, можно назвать одним из основных пластов раскрытия идеи романа.

На фабульном уровне «Generation П» переломным моментом является эпизод, в котором Татарский узнает о глобальной лжи современных массмедиа: «– Нет, ну надо же, – сказал он с изумлением. – Я понимаю, в ларьке на улице... Но даже тут поддельная. Точно говорю, самопал из Польши... Во как прыгает! Вот что значит апгрейд... Татарский понял, что

последняя фраза относится не к водке, а к телевизору, и перевел взгляд с мутной от пузырьков водки на экран, где румяный хохочущий Ельцин быстро-быстро резал воздух беспалой ладонью и что-то взхлеб говорил. – Апгрейд? – спросил Татарский. – Это что, стимулятор такой? – И кто только такие слухи распускает, – покачал головой Морковкин. – Зачем. Просто частоту подняли до шестисот мегагерц. Кстати, сильно рискуем. – Опять не понял, сказал Татарский. – Раньше такой сюжет два дня считать надо было. А теперь за ночь делаем. Поэтому и жестов больше можем посчитать, и мимики. – А что считаем-то? – Да вот его и считаем, – сказал Морковкин и кивнул в телевизор. – И всех остальных тоже. Трехмерка. – Трехмарка? <...> Татарский уставился на приятеля, стараясь понять, шутит тот или говорит всерьез. Тот молча выдержал его взгляд. <...> - Так что, они все – того? – Все без исключения» [Пелевин URL].

Именно здесь выстроенный ранее привычный рациональный мир начинает рушиться. Чудовищность того, что наиболее известные и влиятельные фигуры современной общественной, экономической и политической жизни являются лишь полыми знаками, частью уродливой современной мифологии, поражает также благодаря той непосредственности, с которой подается информация. Эта истина, к которой шел Татарский на протяжении повествования предвосхищалась на лингвистическом уровне.

Через текст сквозным элементом прослеживается приговор Пелевина «Поколению П». Авторский посыл не сконцентрирован в определенной главе или отступлении, он по крупице слагается из элементов, на первый взгляд кажущихся несерьезными. На уровне рекламных слоганов наиболее ярким примером выражения (пусть и завуалированного) оценки культурной среде описываемого времени можно назвать слоган для магазина «Gap»: «Russia was always notorious for the gap between culture and civilization. Now there is no more culture. No more civilization. The only thing that remains is the gap. The way they see you» [Пелевин URL]. Семантизация пустоты (gap – в переводе с английского «пустота»), так свойственная не только настроению романа, но и

ранней пелевинской прозе в целом, здесь выражается отчетливой всего. Как пишет Е.С. Федотова, «художник рисует образ мира, утратившего жизнеобеспечивающую почву и нравственные ценности, что привело к редукции человека до «крепыша», а образовавшуюся пустоту заполнили вещи и деньги» [Федотова 2013, 233]. Именно семантические сдвиги на языковом уровне являются тревожным сигналом, свидетельствующим о преобразованиях на культурном и ментальном уровне. Окруженный новейшей, «товарной» мифологией, которая вытесняет имманентные ценности, человек сам становится симулякром. С этой идеей соотносится сюжетная линия главного героя, Вавилена Татарского. Персонаж в начале повествования заявленный как активный носитель творческого, созидательного начала по мере развития сюжета отказывается от высоких идеалов служения «вечности» в конце концов растрачивая собственный творческий потенциал не на создание уникальных текстов, но на постоянное переписывание, пародию и самопародию. Переломный момент перехода Татарского из одного ранга в другой проявляется во фрагменте с оппозицией «творец – криэйтор». Такая, на первый взгляд, несерьезная замена скрывает в себе глубокую философскую подоплеку. Слово «творец» являясь органической частью не только русского языка, но и русской культуры, подразумевает истинное творческое начало, способное к созиданию и сохранению имманентных ценностей. Однако веяния времени и ориентация на западный (в большей степени американский) образ мышления вытесняют это наименование творческого начала. Замена «творца» на «криэйтора» – это отражение современной тенденции к бездумному копированию чужеродного образа мысли.

Иноязычные включения, таким образом, коррелируют с магистральной идеей романа и являют собой один из механизмов создания симулякров. Пустотность, прокравшаяся в действительность и заполонившая не только массовую культуру, но и человеческое сознание, предвосхищается на лингвистическом уровне. В качестве яркого примера можно привести

названия брендов «Софт имаж» и «Силикон графикс», а также название места, которое Татарскому посоветовал Морковкин – «Драфт Подиум». Над бессмысленностью последнего размышляет и сам главный герой романа: «На следующий день Морковкин отвел Татарского в довольно странное место. Оно называлось «Драфт Подиум» (после нескольких минут напряженной умственной работы Татарский оставил попытки понять, что это означает)» [Пелевин URL].

Эволюция смыслов. В литературоведческих работах, касающихся иноязычных включений в произведениях В. Пелевина, роману «Чапаев и Пустота» практически не уделено внимания. Чаще всего в фокусе исследования оказывается роман «Generation П». Это обусловлено, в первую очередь, с разобранной ранее полифункциональностью, а также с прослеживаемой корреляцией иноязычных элементов с категорией пустоты и основной идеей романа. С другой стороны, особое внимание привлекает обилие иноязычной лексики. «Generation П» содержит 84 иноязычных включений (см. Приложение 2). Роман «Чапаев и Пустота», в свою очередь, содержит лишь 24 (см. Приложение 1). Однако, несмотря на такое различие в количестве включений, иноязычная лексика в обоих романах представляет интерес для анализа.

Обратимся к анализу употребления иноязычной лексики в речи персонажей. Наибольший интерес они представляют в контексте сравнительного анализа двух романов. Если в «Generation П» появление включений в речи служит еще одной линией развертывания смысловой доминанты о симулякрах, в «Чапаеве и Пустоте» редкие примеры иностранной лексики несут совершенно другой посыл.

В «Generation П» иноязычные включения чаще всего встречаются в речи второстепенных персонажей. Было бы неверным утверждать, что идиолект Татарского их лишен. Однако важно отметить, что в речи (письменной и устной) Татарского включения почти всегда являются частью рекламного дискурса: это либо названия брендов, либо слоганы: ««А мы,

копирайтеры, так поворачиваем реальность перед глазами **target people**, что свободу начинают символизировать то уют, то прокладка с крылышками, то лимонад. За это нам и платят» [Пелевин URL]. В диалоге же, в спонтанной речи иноязычные включения наблюдаются чаще в речи второстепенных персонажей, где они являются явными маркерами симулякризации информационного пространства: «Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это... **cultural references...**» [Пелевин URL].

В «Чапаеве и Пустоте» включения в речи второстепенных персонажей не так частотны. Наименьший интерес здесь вызывают иноязычные включения в речи Шварцнегера. Роль редких реплик на английском по типу «Sure» и «You are fired» фактически сводится к созданию карикатурного образа Запада. Олицетворением этого образа в данном случае выступает высокий мускулистый человек с автоматом в руках, практически отсутствующей мимикой и парой коронных фраз в лексиконе, известный российскому зрителю по боевикам девяностых.

Наибольший контраст наблюдается при сравнении иноязычных включений в речи окружения Вавилена Татарского в «Generation П» и в речи Петра Пустоты в «Чапаеве и Пустоте». Рассмотрим приведенный ранее эпизод разговора Татарского и Пугина с использованием словосочетания **cultural references**: «Смотри, - говорил Пугин, прищуренно глядя в пространство над головой Татарского, - совок уже почти не производит сам. А людям ведь надо что-то есть и носить? Значит, сюда скоро пойдут товары с Запада. А одновременно с этим хлынет волна рекламы. Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это... **cultural references...**» [Пелевин URL]. Английское включение актуализируется во фрагменте, где прямо озвучиваются ключевые процессы для постсоветской культуры: процесс распада, образования вакуума, который необходимо заполнить (чем именно – уже не так важно).

Оно совершенно немотивированно, слова имеют русский эквивалент, и их использование буквально не имеет смысла.

Совершенно противоположная ситуация прослеживается в речи Петра Пустоты. Рассмотрим в качестве примера эпизоды с использованием французских слов: «Я оглядел комнату и увидел на стене большое деревянное распятие с изящной серебряной фигуркой Христа, при взгляде на которую у меня мелькнуло странное чувство, похожее на **deja vu**, — словно я уже видел это металлическое тело в каком-то недавнем сне» [Пелевин URL]; «Я кинул внутрь саквояж, торопливо влез следом и захлопнул за собой дверь. **Interieur** этой грозной машины очаровал меня с первого взгляда» [Пелевин URL]. Первое включение, слово «**deja vu**», не имеет русского эквивалента, что делает его использование мотивированным. То же можно сказать о слове «**interieur**», которое было заимствовано в начале XX века. Кроме того, их написание в графике французского языка отсылает к языку источнику.

Петр Пустота – поэт-декадент. Употребление им в речи французских слов можно назвать, с одной стороны, неким отголоском галломании XIX века, когда знание французского было обязательным атрибутом образованного человека. С другой стороны, как было отмечено ранее, начало XX века знаменует собой новый всплеск использования иноязычной лексики в художественной литературе, что особенно масштабно проявлялось в поэтическом творчестве: использование иноязычных включений было достаточно частотным явлением для творчества поэтов Серебряного века.

Такой контраст с полилингвальной составляющей «Generation П» позволяет выделить следующие характеристики иноязычных включений в романе «Чапаев и Пустота»:

- интенциональность (персонаж четко знает, для чего использует иноязычное слово, его употребление мотивировано);
- осознанность (персонажу всегда известно значение иноязычного включения);
- графика, как правило, отсылает к языку-источнику.

Таким образом, полилингвальные уровни обоих романов не просто являются частью характеристики персонажей, смысловым пластом, коррелирующим со стержневой идеей романа. Сравнение включений в текстах позволяет выявить оппозицию двух культурных эпох. Начало XX века представлено как поликультурная эпоха. Время, когда заимствования из французского, немецкого, английского и др. языков обогащают как язык искусства, так и язык повседневного общения. Включение иностранного слова здесь позволяет расширить кругозор и обогатить поле для творческой деятельности.

Заимствования в «Generation П», с другой стороны, иллюстрируют процесс распада культурной среды России в постсоветскую эпоху. Полилингвальный уровень романа представляет собой нагромождение бездумно взятого информационного материала. Бессмысленное и немотивированное копирование чуждых нам элементов культуры и языка приводит к тому, что лишённые смысла слова создают информационный вакуум сначала в языке, а затем и в реальности. И смысловой вакуум в итоге заполняется материальными благами.

Таким образом, анализ 36 источников, касающихся проблемы билингвизма и полилингвизма, позволяет сделать вывод об основных тенденциях в изучении данных феноменов.

Во-первых, следует отметить значительный уклон современных лингводидактических дисциплин к формированию в процессе обучения полилингвальной и поликультурной личности. Исследователи отмечают необходимость свободно ориентироваться в поликультурном пространстве современной эпохи глобализации (Е.И. Пассов, Т.К. Цветкова, Е.Г. Тарева, Ю.Ф. Маметова).

Среди исследований, посвященных литературному многоязычию значительное влияние уделено художественному полилингвальному сознанию. Среди дискуссионных вопросов здесь следует выделить вопрос о сущности явления художественного полилингвизма, критериях его

выделения, типах, а также роли в процессе коммуникативного акта. В исследовательской литературе можно выделить широкую (Б. Хасанов) и узкую (Н.Г. Михайловская, Ч.Г. Гусейнов) трактовку билингвизма.

Определение места аутентичного текста в процессе обучения также можно назвать проблемным вопросом. Так, в лингводидактике существуют споры о целесообразности адаптации художественного текста, а также ее этапах и специфике. Отсюда два магистральных подхода в изучении: литературоцентрический (К.В. Ткаченко, А.Ю. Колесникова, Н.В. Кулибина) и лингвоцентрический (А.В. Рачковская).

Анализ иноязычных включений в романах позволил определить их художественную роль в текстах, а также их дидактический потенциал. Яркая образность, многофункциональность, а также широчайший диапазон аллюзий и реминисценций делают полилингвальный компонент не просто иноязычными включениями, но одной из символических доминант романов, раскрывающих их главную идею. Все это позволяет говорить о высоком потенциале упражнений, так или иначе апеллирующих к подобным элементам текста. Подобный дидактический материал позволит не только сформировать коммуникативную компетенцию за счет использования языка-посредника, но также будут подразумевать расширение лингвокультурных и лингвострановедческих навыков обучающегося за счет многочисленных отсылок.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ

2.1. Упражнения, включающие художественный перевод

Работа с таким материалом, как художественный текст, требует от обучающего достаточно высоких лингвистических, лингвокультурологических, а также коммуникативных навыков. Поскольку материалом выбран не просто художественный текст, но постмодернистский полилингвальный художественный текст, интерпретация которого способна вызывать сложности даже у неподготовленного русскоговорящего читателя. Исходя из этого, следует признать, что в аудитории иностранных студентов, владеющих элементарным, базовым или первым сертификационным уровнями, использование такого рода текста не будет достаточно эффективным. Наиболее целесообразным будет использование полилингвального романа в аудитории, владеющей третьим сертификационным уровнем. В «Государственном образовательном стандарте» можем увидеть следующее описание третьего сертификационного уровня (ТРКИ-3): «Сертификат III уровня свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения, который позволяет вести профессиональную деятельность на русском языке в качестве специалиста=филолога, переводчика, редактора, журналиста, дипломата; менеджера, ведущего свою профессиональную деятельность в русскоязычном коллективе» [Голубева 1999, 4].

Одним из типов упражнений, актуализирующих полилингвальный компонент художественного текста может быть перевод. Стоит отметить, что статус перевода как одного из видов деятельности на уроке РКИ в традиционных методических программах еще не определен до конца. Однако такой вид работы необходим при подготовке специалистов в переводческой

сфере. Кроме того, «переводческий метод остается неизбежным элементом изучения иностранного языка вне языковой среды» [Барышникова, Штырина 2013, 39]. Подобные задания зачастую опираются на явление интерференции с английским языком, что актуально не только для иностранной аудитории из англоговорящих стран, но и для всех студентов, владеющих английским хотя бы на базовом уровне. Переводческая деятельность обучающегося будет сфокусирована на иноязычных включениях. Работа с художественным текстом, богатым образами и имплицитными смыслами требует скрупулезного подхода к интерпретации. Поскольку в предыдущей главе было раскрыто вся многозначность иноязычных включений в романе и их корреляция с основной идеей и авторским посылом для того, чтобы перевести иноязычные слово, необходимо понять предложенный фрагмент романа не только на поверхностном, фабульном уровне, но и на имплицитном.

Рассмотрим фрагмент из главы «Драфт Полиум»:

«– Это, конечно, ненадолго, – сказал Морковин. – Пройдет год или два, и все будет выглядеть иначе. Вместо всякой пузатой мелочи, которая кредитуется по пустякам, люди будут брать миллионы баксов. Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова в Тихом океане. Вместо вольных стрелков будут серьезные конторы. Но суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой. Поэтому и принцип нашей работы не изменится никогда. – Господи, – сказал Татарский, – такие деньги... Как-то даже боязно. – Вечный вопрос, – засмеялся Морковин. – Тварь ли я дрожащая или право имею? – Ты, похоже, на него ответил. – Да, – сказал Морковин, – было дело. – И как же? – А очень просто. Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права. И лэвэ тоже. Кстати, может тебе одолжить, а? У тебя вид какой-то запущенный. Отдашь, когда раскрутишься. – Спасибо, у меня пока есть, – сказал Татарский. – А ты не знаешь случайно, откуда это слово взялось – «лэвэ»? Мои чечены говорят, что его и на Аравийском полуострове понимают. Даже в английском что-то

похожее есть... – Случайно знаю, – ответил Морковин. – Это от латинских букв «L» и «V». Аббревиатура **liberal values**» [Пелевин URL].

Для адекватной работы с полилингвальным компонентом, необходимо чтобы текст был понятен на фабульном уровне. В связи с этим в качестве предтекстовой работы можно предложить студентам определить значение слов разговорной лексики, которыми изобилует данный фрагмент. Многие элементы разговорной лексики и слэнга либо не входят в лексический минимум обучающегося, либо имеют в тексте переносное значение. Такие слова, как «баксы», «контора», «лаве», «чечены» следует вынести перед текстом и предложить поразмыслить над их значением.

Иноязычный компонент «**liberal values**» здесь представлен несет также юмористическую коннотацию. Во фрагменте присутствует свойственная пелевинской прозе языковая игра, базирующаяся на ложной этимологии. В качестве задания на перевод можно предложить студентам заменить выражение «**liberal values**» на русское, наиболее подходящее, по их мнению, в приведенном контексте. Это позволит вывести обучающегося на более высокий уровень интерпретации.

Один из ярчайших примеров использования иноязычного слова в романе содержится также во фрагменте из главы «Путь к себе»:

«Будем считать, что ты себя отпозиционировал и я твою мысль понял. Пойдешь ко мне в штат? Татарский еще раз посмотрел на плакат с тремя пальмами и англоязычным обещанием вечных метаморфоз. – Кем? – спросил он. **Криэйтором**. – Это творцом? – переспросил Татарский. – Если перевести? Ханин мягко улыбнулся. – Творцы нам тут <...> не нужны, – сказал он. – **Криэйтором, Вава, криэйтором**» [Пелевин URL]. Этот фрагмент во многом иллюстрирует весь пласт иноязычной лексики в романе. Наиболее существенным здесь является озвученная самими персонажами *невозможность* перевода англицизма в рамках современных реалий. В качестве послетекстовой работы здесь может быть предложена интерпретация фрагмента и авторской идеи, заложенной в ней. Также можно

вывести на обсуждение оппозицию «криэйтор – творец», прослеживаемую в тексте. Существенно, что слово «творец» действительно является прямым переводом слова английского слова *creator* и подчеркнутое здесь противопоставление иллюстрирует авторское отношение к бездумному заимствованию инокультурных элементов. Эта ситуация мнимой «невозможности» перевода встречается в тексте не раз. Так, мы можем проследить ее во фрагменте из главы «Тихамат-2»: «– Смотри, – говорил Пугин, прищуренно глядя в пространство над головой Татарского, – совок уже почти ничего не производит сам. А людям ведь надо что-то есть и носить? Значит, сюда скоро пойдут товары с Запада. А одновременно с этим хлынет волна рекламы. Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это... **cultural references**... Короче, рекламу надо будет срочно адаптировать для русского потребителя. Теперь смотри, что делаем мы с тобой. Мы с тобой берем и загодя – понимаешь? – загодя подготавливаем болванки для всех серьезных брэндов. А потом, как только наступает время, приходим с папочкой в представительство и делаем бизнес. Главное — вовремя обзавестись хорошими мозгами!» [Пелевин URL]. Помимо перевода иноязычного необходимо вывести обучающегося на размышления об отказе персонажа использовать русскую лексику, не смотря на то, то выражение может быть легко переведено.

Сатирическое отношение к заимствованиям не раз прослеживается в романе. Так, во фрагменте с определением выражения «free lance» читаем:

«Что такое «советская ментальность» или сакраментальный «совок», Татарский понимал не до конца, хотя пользовался этим выражением часто и с удовольствием. Но с точки зрения его нового нанимателя, Дмитрия Пугина, он и не должен был ничего понимать. Он должен был такой ментальностью обладать. Именно в этом и заключался смысл его занятия — приспособливать западные рекламные концепции под ментальность российского потребителя. Работа была **free lance** – Татарский переводил это

выражение как «свободный копейщик», имея в виду прежде всего свою оплату» [Пелевин URL]. Здесь приведенный ранее пример этимологизации в юмористическом ключе дополняется также языковой игрой: «lance» с английского может быть переведено как «копье», поэтому выражение «свободный копейщик» как перевод здесь идеально и для прямого перевода, и для передачи всей сути заимствования.

Среди обилия рекламных слоганов, присутствующих в тексте, следует выделить один, который может быть предложен студентам для перевода:

«Второй слоган, который понравился Татарскому, был предназначен для московской сети магазинов Gap и был нацелен, как явствовало из предисловия, на англоязычную прослойку, насчитывающую до сорока тысяч человек. На плакате предполагалось изобразить Антона Чехова: первый раз в полосатом костюме, второй раз – в полосатом пиджаке, но без штанов; при этом контрастно выделялся зазор между его голыми худыми ногами, чем-то похожий на готические песочные часы. Затем, уже без Чехова, повторялся контур просвета между его ногами, действительно превращенный в часы, почти весь песок в которых стек вниз. Текст был такой: Russia was always notorious for the gap between culture and civilization. Now there is no more culture. No more civilization. The only thing that remains is the gap. The way they see you» [Пелевин URL]. Снова прослеживаемая игра слов (Gap от англ. «пустота, просвет» и «Gap» название магазина) может быть вынесена на обсуждения с точки зрения ее содержательной глубины и связи с основной идеей романа – заменой подлинных ценностей на пустоту в мире рыночных отношений.

2.2. Интерференция и грамматические конструкции

Включения на английском языке могут оказать существенную помощь обучающемуся в освоении некоторых синтаксических конструкций. Для русского языка достаточно частотными являются безличные конструкции. В английском же нет грамматического эквивалента безличным предложениям. Синтаксис английского языка устроен таким образом, что отсутствие подлежащего будет грубой ошибкой. В предложениях, которые семантически можно назвать безличными, грамматически подлежащее выражается безличным местоимением *It*. При переводе на русский местоимение не учитывается, т.к. его функция – поддержание грамматической конструкции.

Английские включения с подобными конструкциями могут быть предложены для перевода:

Задание 1. Прочитайте отрывок:

«In the midst of this stillness and sorrow,
In these days of distrust
May be all can be changed – who can tell?
Who can tell what will come
To replace our visions tomorrow
And to judge our past?» [Пелевин URL].

Предложению «May be all can be changed – who can tell?» в русском языке будет соответствовать предложение: а) «Все может быть изменено – кто скажет?»; б) «Может быть, все можно изменить – кто знает?»; в) «Может быть, все может быть изменено – кто знает?»

Задание 2. Прочитайте отрывок:

«– Look at it, missis Brown! This is Saint Elmo's fires!
– You are mistaken. There is nothing saintly about this ship.
– Let's go. Standing here could be dangerous» [Пелевин URL].

Предложению «There is nothing saintly about this ship» в русском языке будет соответствовать предложение: а) «Здесь нет ничего святого»; б) «В этом корабле нет ничего святого»; в) «С этим кораблем не связано ничего святого» (важно отметить, что здесь как второй, так и третий вариант являются верными переводами, в связи с чем упражнение можно считать заданием повышенной сложности).

Предложение «Standing here could be dangerous» в русском языке будет соответствовать предложению: а) «Оставаться здесь могло быть опасно»; б) «Стоять здесь было опасно»; в) «Здесь может быть опасно».

Задание 3. Прочитайте отрывок:

«You had to stand beneath my window
with your bagel and your drum
while I was waiting for the miracle —
for the miracle to come...» [Пелевин URL].

Предложению «You had to stand beneath my window» в русском языке будет соответствовать предложение: а) «Тебе надо было стоять под моим окном»; б) «Тебе нужно было стоять перед моим окном»; в) «Тебе пришлось стоять перед моим окном».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ историографического материала, посвященного полилингвизму как аспекту современной лингводидактики, позволяет говорить о серьезном уклоне в культуруориентированный подход. Поликультурное информационное пространство диктует необходимость переосмысления привычных дидактических практик. Сегодня становится все более очевидной необходимость изучения активного взаимопроникновения различных культур, которое наиболее ярко отражается на лингвистическом уровне. Взаимное влияние различных языковых картин мира является неизменным спутником как культурного, так и внешнеполитического взаимодействия, что делает полилингвальные и билингвальные тексты одним из наиболее эффективных материалов для изучения иностранного языка. Полилингвальный роман является лучшей иллюстрацией взаимопроникновения различных культурных парадигм.

Романы В. Пелевина, как одного из наиболее влиятельных современных русских авторов, в свою очередь, благодаря своей полистилистичности, содержательной глубине и высокой степени интертекстуальности являются эффективным материалом для изучения русского языка как иностранного. В результате анализа были выявлены 84 иноязычных включения в романе «Generation П» и 24 включения в романе «Чапаев и Пустота». Структура полилингвального пласта в «Generation П» включает следующие тематические группы:

- 1) наименования брендов («Pepsi», «Tuborg», «Санрайз»);
- 2) названия фирм (Sony, De Beers, Reebok, Gucci, Найк);
- 3) рекламные слоганы (The way they see you; It will never be the same! You always get back to the basics);
- 4) пословицы (If you are so clever show me your money);
- 5) пиар-профессионализмы (cultural references, target group).

Включения в романе «Чапаев и Пустота» можно структурировать следующим образом:

- 1) слова, не имеющие эквивалентов в русском языке (Deja vu);
- 2) поэтические тексты (преимущественно английские);
- 3) имена собственные (Мак-Дональдс, Палп Фикшн).

В результате исследования нами были выявлены следующие художественные функции полилингвального компонента текстов:

1. Полилингвальный пласт в «Generation П» состоит преимущественно из английских включений и является символической доминантой романа. Бессмысленное и бездумное нагромождение иноязычных элементов в современной культуре в конце концов приводит к девальвации имменентных ценностей. Обилие англицизмов репрезентует собой постепенное заполнение симулякрами языка, что в конечном итоге приводит к симулякризации действительности.
2. Включения в «Чапаеве и Пустоте», хотя и уступают в объеме, отличаются большим разнообразием языков-источников: английский, французский, немецкий, японский, латынь. В отличие от включений в «Generation П», иностранные слова здесь характеризуются осознанностью употребления, что позволяет им обогащать языковую культуру языка-реципиента. Иноязычия здесь дополняют являются органичной частью речи персонажей, представляя собой осколки чужой культуры, гармонично вплетенные в русскую и обогащающими ее.

Полилингвальный пласт, таким образом, является одним из магистральных художественных приемов. Его корреляция с основной идеей произведений позволяет говорить о фундаментальной роли иноязычных включений в прозе В. Пелевина. Сравнительный анализ иноязычий в одних из наиболее значимых романов автора дает возможность выявить оппозицию культурного состояния России в начале XX и начале XXI веков, проследить

как культурное наследие стремительно было вытеснено товарной мифологией и материальными ценностями.

Упражнения, предложенные в практической части работы, рассчитаны на обучающихся, владеющих русским языком на уровне не ниже третьего сертификационного. Методическая разработка предлагает использовать также упражнения творческого характера, включающие перевод английского текста на русский язык. Кроме того, анализ и перевод английских включений предполагает также обсуждение с аудиторией их роли и функций в романе, что будет особенно полезно для студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пелевин В. О. «Generation «П» [Электронный ресурс] М.: Эксмо, 2003. 352 с. URL: <http://pelevin.nov.ru/romans/pe-genp/index.html> (26.11.2017).
2. Пелевин В. О. «Чапаев и Пустота» [Электронный ресурс] М.: Вагриус, 2004. 414 с. URL: <http://pelevin.nov.ru/romans/pe-genp/index.html> (1.05.2018).
3. Аксенова А. Т. Семантико-стилистическая адаптация новейшей иноязычной лексики (на материале СМИ) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. №2. С. 22-29.
4. Андреева С. В. Билингвизм и его аспекты // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. №3. С. 34-38.
5. Бабенко Н. Г. Иноязычные включения в языке прозы Виктора Пелевина: Функционально-семантический анализ // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 1: Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. 121 с.
6. Бабушкина Е. А. Билингвизм и просодическая интерференция // Вестник МГЛУ. 2011. №607. С. 9-21
7. Багироков Х. З. Художественный билингвизм как полилингвальное пространство: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. С. 134-137.
8. Багироков Х. З., Блягоз З. У. Реализация когнитивных механизмов в билингвальном художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №1. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kognitivnyh-mehanizmov-v-bilingvalnom-hudozhestvennom-tekste> (11.05.2018).
9. Барышникова Е. Н., Штырина Е. В. Роль и место предпереводческого анализа художественного текста в обучении студентов-лингвистов русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-predperevodcheskogo-analiza-hudozhestvennogo-teksta-v-obuchenii-studentov-lingvistov-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (2.05.2018).
  10. Бойко С. А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? // Известия БГУ. 2012. №2. С. 232-235.
  11. Бочкарева Э. Э. Функции рекламы в сфере культуры и искусства [Электронный ресурс] // Вестник МГУКИ. 2013. №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-reklamy-v-sfere-kultury-i-iskusstva> (06.05.2018).
  12. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
  13. Верещагин М. Е. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 149 с.
  14. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. Иваново, 1997. 98 с.
  15. Вишневская Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация [Электронный ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 2. С. 90-91. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=2477> (11.05.2018)
  16. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе [Электронный ресурс] // М.: Международные отношения. 1980. 350 с. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vlahovdoc.shtml (20.05.2018).

17. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти, 2004. 192 с.
18. Гибадуллина М. А. Интертекстуальность в рекламных слоганах романа Пелевина «Generation П»: источники и приемы // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2012. Вып. 6. С. 30-37.
19. Гимпелевич В. С. Род имен существительных – иноязычных вкраплений в русском языке // Учен. зап. Минвуза Азерб. ССР. 1974. Ч. 12. Сер. 4. С. 87-91.
20. Гураль С. К., Павленко Е. И. Формирование поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка // Язык и культура. 2011. №2 (14). С. 115-120.
21. Демин В. И. Миф о Чапаеве в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» [Электронный ресурс] // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-o-chapaevе-v-romane-viktora-pelevina-chapaev-i-pustota> (06.05.2018).
22. Денисова Т. М. Роль аутентичных художественных текстов в формировании межкультурной компетентности при обучении иностранному языку [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-autentichnyh-hudozhestvennyh-tekstov-v-formirovanii-mezhkulturnoy-kompetentnosti-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (06.05.2018).
23. Еремия Н. А. О принципах отбора экзотизмов и иноязычных вкраплений в учебные толковые словари // Лингвистические исследования. М., 1976. С.84.
24. Изюмская С. С. Англицизм и категории текста (на материале произведений С. Лукьяненко и В. Пелевина) [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №4. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizm-i-kategorii-teksta-na-materiale-proizvedeniy-s-lukyanenko-i-v-pelevina-retsenzirovana> (06.05.2018).
25. Изюмская С. С. Моделирование юмористической тональности и англицизм в современном художественном тексте (на материале произведений В. Пелевина) // Вестник ЧГПУ. 2010. № 5. С. 264-274.
26. Каракуц-Бородина Л. А. Транслингвизм и языковая игра (на материале произведений В. В. Набокова) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. № 3-II. С. 151-155.
27. Кожевникова М. А. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект) // Филология и человек. Издательство Алтайского государственного университета. Барнаул, 2011. № 4. С. 192-201.
28. Колесникова А. Ю. Постмодернистский текст в аспекте преподавания РКИ / А. Ю. Колесникова [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых (9-11 апреля 2015 г.). Томск, 2015. Вып. 16. С. 156-158. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000532932> (03.05.2018).
29. Колесникова А. Ю., Крюкова Л. Б. Постмодернистский текст: методический и лингвистический аспекты интерпретации в иноязычной аудитории [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2016. №10 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskiy-tekst-metodicheskiy-i-lingvisticheskiy-aspekty-interpretatsii-v-inoazychnoy-auditorii> (06.05.2018).
30. Колесова Н. В. Иноязычие как средство репрезентации авторского самовыражения в художественном дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. №1 (35). С. 162-165.
31. Коломейцева Е. Б. Иноязычные вкрапления в поэтическом и прозаическом тексте [Электронный ресурс] // Учёные записки ЗабГУ.

- Серия: Филология, история, востоковедение. 2015. №2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-poeticheskom-i-prozaicheskom-tekste> (06.05.2018).
32. Косенко Е. И. К вопросу об англицизмах в современном русском языке // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №4. С. 137-140.
33. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
34. Кулибина Н. В. Художественный текст на уроке русского языка: еели и методы исполизования // Русский язык за рубежом. 1991. № 2. С. 34-38.
35. Ланин Д. Виктор Пелевин и пустота российского самосознания [электронный ресурс] // URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-pchp/1.html> (3.06.17).
36. Леонова М. Функция иностранного слова в прозе Виктора Пелевина / М. Леонова // Дергачевские чтения. 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций: материалы XII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 13-14 октября 2016 г.): К 70-летию Объединенного музея писателей Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 176-181.
37. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 11. С. 60-68.
38. Лотман Ю. М. Текст в тексте (Вставная глава) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2000. С. 62-73.
39. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-funktsii-inoyazychnyh-vkrapleniy> (06.05.2018).

40. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: коллективная монография / [Е. Г. Тарева и др.; отв. Ред. Е. Г. Тарева]. – Москва: Логос. 2014. 229 с.
41. Мигдаль И. Ю. Культурная маркированность иноязычных вкраплений художественного текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. №4. С. 31-36.
42. Могучева И. Г. Рекламный текст как компонент содержания обучения РКИ в англоязычной аудитории [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnyy-tekst-kak-komponent-soderzhaniya-obucheniya-rki-v-angloyazychnoy-auditorii> (09.05.2018).
43. Мощева С. В. Реклама в современном обществе: социолингвистический аспект // Вестник КГУ. 2007. №2. С. 134-137.
44. Нехорошев Г. Пелевин и пустота [Электронный ресурс] // URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-excl/1.html> (19.06.17).
45. Николаева И. С. Иноязычные вкрапления в текстах современных писателей [Электронный ресурс] // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2013. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-tekstah-sovremennyh-pisateley> (06.05.2018).
46. Новикова М. Л., Крапивная И. М. Обучающий потенциал художественного текста в иноязычной аудитории (интеграция лингвистического и литературоведческого подходов) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. №1. С.17-23.
47. Новоженова З. Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2012. №8. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-kak-diskursivnoe-yavlenie-russkoe-slovo-v-chuzhom-tekste> (06.05.2018).
48. Норлусян В. С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы [Электронный ресурс] // Вестник НовГУ. 2010. №57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy> (06.05.2018).
49. Окс М. В. Полилингвизм в романе В. Набокова «Бледный огонь» [Электронный ресурс] // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polilingvizm-v-romane-v-nabokova-blednyu-ogon> (11.05.2018).
50. Павлова И. П. Переводные приемы обучения иностранному языку (функции перевода как средства обучения в различных компонентах УМК) // Вестник МГЛУ. 2007. №538. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodnye-priemy-obucheniya-inostrannomu-yazyku-funktsii-perevoda-kak-sredstva-obucheniya-v-razlichnyh-komponentah-umk> (09.05.2018).
51. Павловская О. Е., Зимина Н. Ю. Специфика орнаментального идиостиля постмодернизма (на примере романа В. Пелевина «Generation п») [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ornamentalnogo-idiostilya-postmodernizma-na-primere-romana-v-pelevina-generation-p> (02.05.2018).
52. Позднякова А. А. Билингвизм и билингвальное образование // Наука и школа. 2012. №4. С.25-27.
53. Позднякова А. А. Проблемы языка в аспекте глобализации [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI век. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yazyka-v-aspekte-globalizatsii> (09.05.2018).

54. Помялов А. В. Специфика рекламных текстов в романе Виктора Пелевина «Generation «П» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 76-1. С. 282-284.
55. Потёмкина Е. В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №2. С.215-224.
56. Рачковская А. В. Художественный текст на занятиях по РКИ: критерии отбора и характер адаптации / А.В. Рачковская // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. Минск: БНТУ, 2015. С. 121-131.
57. Ружицкий И. В., Потёмкина Е. В. Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике // МИРС. 2013. №2. С. 81-90.
58. Рябова М. Э. Иноязычие в структуре единого образовательного пространства [Электронный ресурс] // Интеграция образования. 2004. №4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychie-v-strukture-edinogo-obrazovatel'nogo-prostranstva> (06.05.2018).
59. Свердлов М. И. Как сделан Пелевин – хорошая защита плохой прозы [Электронный ресурс] // URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-sverd/1.html> (03.06.17).
60. Сейдашова А. Б. Мотив пустоты в романе В. О. Пелевина «Чапаев и пустота» [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-pustoty-v-romane-v-o-pelevina-chapaev-i-pustota> (06.05.2018).
61. Спасская Е. Д. Поликультурный подход к преподаванию родной культуры на занятиях по иностранному языку // Вестник ТГУ. 2009. №9. С. 284-288.
62. Стрельчук Е. Н. Роль художественной литературы в формировании и развитии русской речевой культуры иностранных студентов

- [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. №2-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-hudozhestvennoy-literatury-v-formirovanii-i-razvitii-russkoy-rechevoy-kultury-inostrannyh-studentov> (02.05.2018).
63. Сычёва Л. В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В. В. Набокова [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-hudozhestvennoy-proze-v-v-nabokova> (11.05.2018).
64. Сычёва Л. В. Своеобразие использования иноязычных вкраплений в произведениях М. А. Булгакова [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. №2. С. 33-36.
65. Сычёва Л. В. Функционирование иноязычных вкраплений в художественной прозе Т. Толстой [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-inoyazychnyh-vkrapleniy-v-hudozhestvennoy-proze-t-tolstoy> (11.05.2018).
66. Тимошенко Е. И. Семантизация иноязычных включений в художественном тексте В. Пелевина в контексте индивидуального творческого билингвизма // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-190.
67. Ткаченко К. В. Использование аутентичных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2006. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-autentichnyh-tekstov-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (02.05.2018).
68. Трунова Е. Г. Функции иноязычных вкраплений в рекламном дискурсе: психолингвистический аспект [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2016. №3-4 (155-156). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-inoazychnyh-vkrapleniy-v-reklamnom-diskurse-psiholingvisticheskiy-aspekt> (05.05.2018).
69. Туксаитова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 198-206.
70. Федотова Е. С. Роман В. Пелевина «Generation «П»: словесная игра как способ переосмысления и пересоздания действительности // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 227-234.
71. Хромова Е. О Полилингвизм в контексте преподавания иностранных языков / Православные истоки русской культуры и словесности: сборник научных статей по материалам 39-й Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.В. Лабунец, Е.Н. Эртнер; Министерство образования и науки Российской Федерации, ТюмГУ. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2016. С. 236-240.
72. Хромова Е. О. Медиатекст на уроке РКИ // Сборник научных статей по материалам 38-й международной научно-практической конференции «Православные истоки русской культуры и словесности». Тюмень, 2015. С. 53-56.
73. Хромова Е. О. Художественный полилингвальный дискурс в обучении РКИ (на материале романа А. Макушинского «Пароход в Аргентину») // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва, 2016.
74. Хрящева Н. П., Федотова Е. С. Поэтика аббревиатур в раннем творчестве В. Пелевина // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 104-110.
75. Хэкетт-Джонс А. В. От билингвизма к полилингвизму: концепции многоязычия в условиях новой образовательной реальности / А. В.

- Хэкетт-Джонс // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3 (45) Часть 4. С. 104—106.
76. Цветкова Т. К. Актуальные проблемы лингводидактики: определение целей и задач обучения иностранному языку // Вестник МГИМО. 2013. №4 (31). С. 328-332
77. Чебоненко О. С. Литературные интерпретации жизненных смыслов дзен-буддийского Востока в произведениях XX В. (на примере романа В. О. Пелевина «Чапаев и пустота») [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2011. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-interpretatsii-zhiznennyh-smyslov-dzen-buddiyskogo-vostoka-v-proizvedeniyah-xx-v-na-primere-romana-v-o-pelevina-chapaev-i> (06.05.2018).
78. Шаманский Д. Пустота (Снова о Викторе Пелевине) [Электронный ресурс] // URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-sham/1.html> (29.05.17).
79. Широкова Е. Н. Языковое творчество и «Лингвистическая археология» В. Пелевина [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. 2014. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-tvorchestvo-i-lingvisticheskaya-arheologiya-v-pelevina> (06.05.2018).
80. G. Freidin «Victor Pelevin's Dzheneraishen «P»» [Электронный ресурс] // Foreign Policy. Spring 2000. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dzhen/1.html> (2.05.18).